ГЛАВА ИЗ КНИГИ Б. ЕЗЕРСКОЙ «МАСТЕРА»
(ПЕЧАТАЕТСЯ С СОКРАЩЕНИЯМИ)

Вечерняя Москва — 1991 — 21 июня

ЕСЛИ ХОЧЕШЬ ПОНЯТЬ ПОЭТА...

(Интервью с Иосифом БРОДСКИМ)

О ТОМ, что Бродский — гений, я впервые услышала от Владимира Максимова. Это было в студии Эрнста Неизвестного, куда Бродский забежал (именно «забежал», а не «зашел») на минутку повидаться со своим другом, только накануне прилетевшим из Парижа. Уютно утонув в мягких диванных подушках и любовно глядя ему вослед, Максимов проговорил своим тихим, угасающим голосом:

— Бродский — гений. Да-да, вот такой, каким вы его видели: в этом пиджачке, в этих брючках. Гений! — с каким-то даже вызовом повторил он и при этом соболезнующе развел руками, как бы говоря: ну что уж тут поделаешь...

Будущий Нобелевский лауреат в «зоне»...

Опыт общения с гениями у меня не так уже велик. Поэтому я несколько растерялась под вопрошающим взглядом поэта...

— Говорят, вы очень не хотели уезжать?

— Я не очень хотел уезжать. Дело в том, что у меня долгое время сохранялась иллюзия, что, несмотря на все, я все же представляю собою некую ценность... для государства, что ли. Что ИМ выгоднее будет меня оставить, сохранить, нежели выгнать. Глупо, конечно. Я себе дурил голову этими иллюзиями. Пока они у меня были, я не собирался уезжать. Но 10 мая 1972 года меня вызвали в ОВИР и сказали, что им известно, что у меня есть израильский вызов. И что мне лучше уехать, иначе у меня начнутся неприятные времена. Вот так и сказали. Через три дня, когда я зашел за документами, все было готово. Я подумал, что, если я не уеду теперь, все, что мне останется, это тюрьма, психушка, ссылка. Но я уже через это прошел, все это уже не дало бы мне ничего нового в смысле опыта. Я и уехал.

— Почему они избрали объектом травли именно вас, человека вполне аполитичного?

— (Всерьез рассердившись). Вы у них спросите! Откуда я знаю? Я о них и думать не хочу!

Я прошу у поэта прощения за этот вопрос. Об этом трудно вспоминать. Но об этом нельзя и забывать. Балаган, именуемый «судом над тунеядцем Бродским», продемонстрировал миру маразм «социалистической идеологии», врагом которой был объявлен Бродский.

Иосифа Бродского осудили за тунеядство на пять лет ссылки с обязательным принудительным трудом, поскольку суд вынес решение, что он не является поэтом. Суд Дзержинского района города Ленинграда (судья Савельева) отказал в своем признании крупнейшему русскому поэту, чьим именем гордится русская литература, как гордится она именами Блока, Пастернака, Мандельштама и Маяковского. Комментарии, как говорится, излишни. Тем не менее свой следующий вопрос я задаю, основываясь на странном свойстве человеческой памяти — забывать все плохое.

— Вас не мучает ностальгия? Ведь это мина замедленного действия, а вы здесь достаточно давно.

— Мне трудно ответить на этот вопрос. Потому что если я и испытываю что-то, то это чувство настолько похоже на все остальные чувства, что выделить его в самостоятельное ощущение я не могу. Разумеется, мне не хватает чрезвычайно многого, я с удовольствием бы увиделся с друзьями и зажил бы там своей прежней жизнью. Не знаю... Вы спрашиваете об этом чувстве, как о чем-то специфическом, остром, превышающем все остальное?

— Нет. Я спрашиваю об этом, как о фоне, или, если хотите, обертоне вашей жизни.

— Я мог бы испытывать нечто похожее, если бы я занимался, не знаю... ну, чем-то совершенно отличным от того, чем занимался всю свою жизнь. Но поскольку я занимаюсь тем же самым, и в условиях, как мне кажется, напоминающих те, в которых я занимался этим дома, то...

— Вы имеете в виду бытовые или творческие условия?

— Нет, именно бытовые: комната, письменный стол, книжки. Никакого разрыва нет. Абсолютно никакого. Как говорится, «продолжение следует». Всякая новая страна, в конечном счете, лишь продолжение пространства. Все зависит от того, как ведет себя человек в этом новом пространстве. Если он ведет себя качественно иным образом, он может вспоминать о своих былых делах, о своем былом интерьере с чувством потери. Для меня, повторяю, ощущение потери, в общем, снижено именно благодаря тому, что я занимаюсь тем же самым, чем занимался, сколько себя помню.

Мне повезло еще в том смысле, что англоязычная культура мне никогда не была чужда. Еще живя в России, я много читал англоязычных поэтов, много переводил, так что переход этот, в общем, для меня ограничен. И позитивных ощущений у меня довольно много. Что касается негативных, то у меня, как у всякого человека, есть своя «квота негативных ощущений».

— Она у вас заполнена или нет?

— Более или менее. Заполнена.

— Изменилось ли ваше мироощущение с тех пор, как вы здесь?

— Конечно. Я стал старше на девять лет. И некоторые вещи меня уже не так волнуют, как тогда. Человек доживает до перемены интересов, как до седых волос, как до морщин.

— Как изменились ваши интересы?

— Ну, например, меня интересовали, особенно в те поры, личные взаимоотношения романтического, если хотите, характера. Сейчас превалируют интересы литературные, то есть мир идей. Поскольку здесь доступ к нему совершенно не ограничен. Ну и литература на английском языке, русская литература, литература вообще. Каждый живет, как умеет. Одни живут, чтоб им сытно пожрать было, другие, чтоб на старость капитал сколотить. Но есть незначительный процент людей, которые живут для того, чтоб читать и писать книги. Меня больше всего интересуют книжки. И что происходит с человеком во времени. Что время делает с ним. Как оно меняет его представления о ценностях. Как оно, в конечном счете, уподобляет человека себе...